

Продолжение.
Начало см. Тур в «тесноту» Кугитанга» (http://sreda.uz/index.php?newsid=411).
Окончание см. «Пряники» для покоя гор» (http://sreda.uz/rubriki/bio/pryaniki-dlya-pokoya-gor/).

Экспедиция журналистов из Ташкента в Термез и далее к Кугитангскому хребту была задумана, чтобы лучше изучить проблемы буферной зоны Сурханского государственного заповедника. Юридически она отсутствует. Но двух-трехкилометровую полосу от границ заповедника принято считать буферной — охранной, где гасится давление цивилизации на дикую природу. Так ли это на самом деле и что делать, чтобы было так?

Труба — не бинокль

Странно слышать, что по одну сторону речки заповедник, а по другую кишлак. Сколько ни всматриваемся в «другую» — те же утесы. Отдельно стоящие дома с примыкающими садами и полями там, где теснины ущелья раздвигаются, — это и есть кишлак Тангидувал. Мы тормозим у его дальней окраины.

Те, кто ехали в кузове, очевидно, получили свою порцию экстрима. Про «экологический туризм», который упоминался как рефрен к любому разговору о перспективах буферной зоны, коллеги-журналисты не вспоминают. Борт грузовика опущен, тряска закончилась, а они продолжают цепляться за борт. Ну же, активней! Вот он, бинокль с

пятнадцатикратным увеличением. Кто первый? Но после ралли по каменистой речке бинокль в руках дрожит. И рождаются сразу два ценных предложения. Проложить сюда нормальную дорогу — это раз, установить подзорную трубу — это два.

Допустим, приедем еще раз однажды. Вечерком прильнем к подзорной трубе и узреем мархура и бухарского барана. Эти крупнокопытные — самые главные достопримечательности Кугитангского хребта. Они имеют всемирное значение, ведь включены практически во все красные списки стран их естественного обитания — Узбекистана, Туркменистана, Пакистана, северо-западной Индии, Таджикистана и Афганистана.

Подзорная труба «привяжет» к себе любого, так как биоразнообразие тут необыкновенное. Не случайно Всемирный фонд дикой природы включил Кугитангский хребет, расположенный на границе южного Узбекистана и северо-восточного Туркменистана, в число двухсот экорегионов глобального значения. Здешняя растительность разделена на несколько зон. Тут и полусаванна, и шибляк — лиственный лес, и гористые полустепи. Их мы проезжали вчера. А сегодня мы пересекали астрагалово-степную зону, астрагаловую (смолистую) и арчевую.

Скалистые ущелья, осыпи и утесы занимают треть хребта, а площадь лесов немногим более того. В лесах основной древесный вид — зарафшанская арча. Сохранение лесов — важнейшая проблема

проектной территории. Тангидувал, в отличие от Хатака, не попал в прошлогоднюю государственную программу благоустройства села. Баллонный газ сюда со скидкой не доставляют. А про уголь в горных кишлаках вообще забыли. Что идет на обогрев? Ясно что.

С 1987 года, когда юридически был закреплен статус Сурханского государственного заповедника, ему предназначено охранять ценное биологическое разнообразие горных арчевых лесов Кугитанского хребта. Жаль, но за пределами заповедника лес рубится. А редкие виды и подвиды эндемичных, только здесь произрастающих растений исчезают под натиском скота. Как эти процессы скажутся на животном мире заповедника?

В Красную книгу Узбекистана уже включены, помимо мархура и бухарского барана, персидский леопард, пустынный варан, черепаха Хорсфилда, летучая мышь Джеффри, среднеазиатская кобра, черный гриф, беркут, степная пустельга… Тура Холиков — замдиректора заповедника по науке, сопровождающий команду журналистов в медиатуре, говорит о краснокнижных позвоночных. Редких, исчезающих насчитывается пять видов рептилий, семь видов птиц, двадцать три вида млекопитающих. Они же обитают и в буферной зоне, не ведая границ.

«А знаете как в Скалистых горах в Штатах? — вдруг спрашивает спутников Тура. — Мы, биологи, ездили туда знакомиться с опытом национальных парков. В их буферной зоне организованы места для отдыха в палатках. Продаются путевки. Сопровождают любителей природы обученные гиды. Весь мусор за собой приезжие собирают в мешки и увозят. И следующая группа видит окружающие красоты в первозданном виде».

«Я здесь живу»

Следующая группа в Тангидувале — это мы. Прибывшая до нас отдыхает в усадьбе Азизкула Сайдуллаева. Сам он машет кетменем на участке. А родные из долины с малыми детьми расположилась на раскинутом на земле паласе на фоне развешенных на веревке курпачей. К нашему приходу для них как раз подоспело жаркое.

Десант из журналистов неожидан, так как связи с Большой землей нет, сотовые телефоны не работают, но, в общем, он никакого переполоха не вызывает. Хозяин с удовольствием позирует и отвечает на вопросы. «Земли обрабатываю шесть-семь соток. На них растут помидоры, огурцы, арбузы, дыни. Есть ягнята. А всего овец с полсотни». «Где пасете?» — «Вон, — показывает. — На этой стороне можно, а за речкой нельзя». «Вы — арендатор?» — «Нет, я здесь живу». «А что ж не взяли землю в аренду, ведь больше земли — лучше?» — «Деньги нужны, много. Поэтому арендаторы — приезжие». «Возможно, они не станут пускать вас на арендованную землю пасти скот?» Он надеется: «Поговорим».

Про аренду мы уже слышали в Хатаке, и еще услышим в других кишлаках далее по маршруту экспедиции. То, что раздаются в аренду те земли, что местные жители используют под выпас скота, их беспокоит. Установит арендатор плату за каждую чужую овцу на своей территории — и тому же Азизкулу придется на своих сотках выращивать не овощи, а корма. Кто-то слышал про преимущественное право местных жителей при раздаче земли в аренду, но телефонной связи нет, и все обсуждается на уровне слухов: «Около двухсот гектаров земли роздано в аренду людям из долины».

В Тангидувале домохозяйств около двадцати, а населения — около ста человек. Если придут «чужаки» со скотом, своим придется потесниться. Беспокоит и экологов закрепление земли за арендаторами в ближайшем соседстве с заповедником, так как усиливается давление на природу. В

Законе об охраняемых природных территориях сказано, что буферная зона остается на балансе землепользователей. Значит, сколько пригонят скота, столько пригонят. Их право. Может, стоит внести поправку в закон? Ну а пока сама буферная зона — миф с неопределенными границами и размытым статусом.

Но как же тут хорошо! Прав был таксист, утверждавший, что рядом с заповедником природа та же.

Мы рядом. За дастарханом восседает старейшина рода Сайдуллаевых — седобровый Эргаш-ака. Про себя говорит, что очень богат: у него 10 детей, 57 внуков и 36 правнуков. Нам уехать он не разрешает, не попив чая и не отведав плова. Хозяйка успела и его сготовить, пока мы разговаривали. Плов горячий, чай в летний зной еще желанней, и бинокль под рукой. Конечно, в подзорную трубу рассматривать окрестности лучше, и когда-нибудь она тут появится для приезжих. Ну а пока мы на лужайке передаем друг другу бинокль: «Где вы, мархуры?»

Проехав несколько километров по теснине, выезжаем на противоположный край кишлака. О том, что это «край», можно лишь догадаться. Вокруг горы, среди которых синий капот отдыхает от усилий. Над такой же синей кабиной вертят

головами восторженные участники экспедиции: «Эдак куда мы попали!» Борта нашего транспортного средства указывают на перспективу — стену из скальников, которая тянется и справа и слева, так что не поймешь, где ее разрезает ущелье, из которого мы выехали.

Оглядевшись и присмотревшись, поблизости замечаем каменную ограду, а за ней сад Чори Маматмуродова. Он, услышав затихающий мотор, вышел с женой к дороге. «Ничего здесь раньше не было, только камень. Мы приехали тринадцать лет назад из Ангора. Очистили землю от камней, посадили сад, построили дом. Ишак есть, корова, бараны. Деревья стараемся не рубить — пользуемся кизяком. Вот уже месяц радуемся свету. Сами провели от линии электропередачи. Свет дают по часам, но ведь раньше мы жили вообще без него. Наладится. Что нужно для развития охранной зоны? Детский лагерь, дом отдыха, вольеры для животных, и, конечно, нужна хорошая дорога». Он здесь живет, он знает.

Булыги на пахсе

Многое фиксирует журналистский глаз, но коллеге я благодарна за то, что показал булыги на крышах. Из-за феерической смены мест не все замечаешь. Только что мы были в Хатаке, затем в Тангидувале, и вот уже прибываем в Шалкан. И тут пахсовые дома с плоскими крышами и булыгами на них, чтобы ветер не унес. Как раз с такой крыши наблюдает, как выгружаемся, троица ребятишек. Вечереет.

Мы тоже забираемся сначала на крышу, а потом и на ближайший холм, ведь завтра такой возможности может не быть. Видим над кишлаком зеленые купы деревьев, а окружает его гряда таких же невысоких холмов, как наш. Холмы хоть и выгорели, но на них стада, а вот дальше и выше зеленеет арчевый гребень с белыми опознавательными знаками заповедника. Он очень близок к кишлаку, и, наверное, есть проблемы соседства, так как проживают в Шалкане около полутысячи человек.

Соседство обсуждаем поутру с местным аксакалом и бывшим сотрудником заповедника Хидоятом

Хадъятуллаевым, встретившись на пути к местной школе, куда и он спешит на собрание, и мы. С гордостью говорит, что проработал в системе лесного хозяйства с 1965 года более сорока лет. И с браконьерством сталкивался, и с вырубкой лесов. В 1986-м определял границу между совхозом, лесхозом и создаваемым Сурханским заповедником. Сейчас в заповеднике двое его сыновей работают инспекторами. Конечно, он знает про его проблемы.

Лошадей около тридцати, а седел нет. Для инспектора лошадь – главное средство передвижения. Курпача, заменяющая седло, неудобна и лошади, и наезднику. Но к ней можно привыкнуть. Нельзя привыкнуть к тому, что пастбища деградируют. Скот местные жители считают надежным источником дохода. Улучшить бы породу, а то ведь мелкий и приносит не тот доход. Вот и растет поголовье, поедающее заодно с травой редкие лекарственные растения.

Разговор о лекарственных растениях продолжаем в школе. Остатки былой плантации сохранились на школьном дворе. Сотрудники заповедника помогли ее создать, рассчитывая привить детям любовь к окружающей среде и повысить доходы школы. Собирались продавать выращенные во дворе растения. Увы, не нашли сбыта. Но собрание, в котором участвуем мы, журналисты, изучающие проблемы буферной зоны, и проживающие в ней люди, признает, что выращивание лекарственных и краснокнижных растений в охранной зоне может стать источником дохода и послужить развитию кишлака. От этого занятия всем только польза.

О чем еще говорит собрание? О водохранилище, которое необходимо кишлаку. «Летом вода в реках и ручьях пересыхает. Есть для водоема естественное место. Можно построить и наладить водоснабжение для питья и полива. Можно открыть консервный цех, ведь вокруг столько садов с плодами отменного качества. Можно создать зону отдыха, как в Заамине, и развивать экотуризм…»

Собравшиеся говорят, что рады тому, что приехали журналисты. Наверное, впервые на их памяти такая встреча. Долго не расходятся, прикидывая иные варианты для развития. Мы делаем записи в блокнотах и обещаем написать. Что смущает? Люди знают, что надо, не понятно, зачем дело стало. Мы будет обсуждать эту тему по дороге в Сурханский заповедник. Здесь, у Шалкана, нам выпадает редкий шанс посмотреть на охранную зону изнутри.

Наталия ШУЛЕПИНА
«Зеркало XXI», 21.7.2010г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Телеграме

Следите за новыми материалами, экологическими новостями и публикациями.

Перейти
На главную В рубрику

1 комментарий к материалу «ЕСЛИ ПРИДУТ «ЧУЖИЕ»?..»

1. С удовольствием прочитала продолжение рассказа о поездке по Сурханской буферной зоне, А дальше? жду продолжения!!! Планируете ли поездку в другое время года?

   Ответить

Оставить комментарий **Отменить ответ**

Читайте также

Еще статьи из Фото

Репортер.uz

Трансграничная Сырдарья. Какая она у Чиназа?

31.08.2026
320 просмотров

Журналистская задача - показать читателям в фоторепортаже Сырдарью и Чирчик. Сейчас, в конце лета 2026 года, они такие.

Репортер.uz

Чарвакское водохранилище в летний зной

06.08.2026
443 просмотров

Чарвакское водохранилище - жемчужина Угам-Чаткальского государственного национального природного парка.

Фото

Поздравления читателям SREDA.UZ во Всемирный день охраны окружающей среды

05.06.2026
852 просмотров

Природные ресурсы не бесконечны. Человек лишь часть природы. То, как он интенсивно ее использует, приводит к благосостоянию общества. Где та грань, когда природа не справляется с натиском человечества?